

Ветры дули холодные и резкие, их прикосновение напоминало царапанье ножа по коже. Они были неумолимы, лишены эмоций, рассекая мир в своем собственном темпе. Вален часто слышал эти ветры, но всегда из уюта стен замка - особенно в последнее время. Для него ветер был успокаивающей мелодией глубокой ночью, которая прогоняла демонов и позволяла ему поспать несколько часов. Однако эта мелодия стала мрачной и терпкой - ведь даже покрытый несколькими слоями шерсти и кожи, сидя на спине человека, который, казалось, горел, он все еще чувствовал холод.

Больше всего пострадали его щеки, но он не мог высказать недовольство; в конце концов, там была женщина, идущая одна, которую, казалось, совершенно не беспокоила погода. А еще был Сайлас - мужчина, который шел, одетый так легко, словно сейчас было лето, и нес на спине Валена, рядом с несколькими сумками и ранцами с припасами. Это было странно, подумал Вален. Он все еще помнил Сайласа, когда впервые встретил его - тощий, странный человек, похожий скорее на книжного червя, чем на солдата. Однако все изменилось. Теперь он висел на плечах широкого гиганта, который, казалось, мог поднять валун и зашвырнуть его на милю в высоту.

Они часто делали перерывы - каждые три часа - но не потому, что кому-то из них требовался отдых. Все это было ради него. Ведь даже несясь, он уставал и страдал. И ему было больно. Часто ему хотелось закрыть глаза и погрузиться в дрейф, но зябкий, пронизывающий до костей холод не позволял ему этого. Он прижимался к огню и хотел прыгнуть в него, но его останавливали лишь внимательные глаза Пророка.

Вален понял, что даже спустя несколько дней пути они почти не разговаривали. В основном это была сухая проверка запасов и состояния. И женщина, и пророк казались целеустремленными в своем стремлении к чему-то - а Вален оставался в неведении. Он не знал, зачем его везут и куда. Он знал, что это как-то связано с его Струной - крошечной частицей магии, которую боги приписали ему при рождении, - но даже после того, как он неоднократно говорил Сайласу, что Струна ничего не стоит... Пророк не слушал его и не заботился об этом.

Поэтому ему оставалось только молчать и проглатывать свои мысли. Если отбросить все

остальное, он доверял Сайласу, возможно, больше, чем всем мужчинам и женщинам в его жизни, вместе взятым. Это доверие выходило за рамки слов и вспыльчивости; оно было таким, которое превосходило логику и разум, и казалось врожденным, как будто было всегда. Как доверие не обманутых детей к своим родителям. В этом тоже было нечто подобное, Вален знал - Сайлас, хоть и был ухмыляющимся дураком по своему выбору большую часть времени, был намного старше Валена. Во многих отношениях, чувствовал Вален, Сайлас был старше своего возраста. И он научил его многим вещам - и все эти вещи Вален хранил близко к сердцу.

Из-за всего этого Вален шел - или, по крайней мере, полз - даже через костры по настоянию пророка. Хотя это было скрыто, тихо и задумчиво, принц не был слеп к вине и стыду в глазах пророка. Это было странно - Вален видел много снов, в которых Сайлас совершенно сходил с ума после того дня, но с каждым сном, казалось, становился немного лучше. Немного менее одиноким. Пророк держал свою плоть и разум сшитыми вместе иглами чего-то гораздо более высокого, чем Вален мог постичь. Но чувство вины оставалось. Оно присутствовало каждый раз, когда их глаза встречались. Оно присутствовало в каждом разговоре Райны, и оно присутствовало каждый раз, когда Деррек с тоской касался рукояти его клинка.

Пророки были выше людей, гласила старая пословица, но все чаще Вален видел в Сайласе больше человека, чем пророка. И это заставило его осознать одну простую истину, которую мир, кажется, забывает, когда в нем присутствуют люди, которых коснулось Божественное. Прежде чем стать божественными, они становятся людьми. В тот день все их сердца раскололись, словно их пронзила молния - и Сайлас не был выше этого. Возможно, в каком-то странном смысле ему было хуже, ведь он единственный остался невредим. Казалось, он ненавидел любовь богов к нему. Ненавидел то, во что он превратился.

Однако, хотя Пророк был мудр во многих истинах, он был слеп к людям замка. Ни от кого, ни от живых, ни от мертвых, не было ни упрека в его адрес, ни гнева, ни злости. В конце концов, единственная причина, по которой замок стоял, единственная причина, по которой замок стоит до сих пор, - это глаза человека, который похоронил себя в холодную зиму, чтобы остаться со своими братьями. Он сражался против мертвых своей собственной плотью и костями и возвестил о защите, которая не имела права на успех. Все они должны были погибнуть под натиском армии упырей и чудовищ за стеной. Но они выжили. Как будто он пошел против планов богов... и они попытались загладить его грехи, предупредить его, что, хотя он и является их сосудом, он не выше их.

"Еще два дня, я полагаю", - тихо проговорила женщина, когда они свернули в крошечное отверстие в склоне горы, укрываясь от ветра, который теперь был таким же острым, как

кованные стальные мечи. Если бы не Сайлас, выполняющий роль полноценного щита, Вален не сомневался, что был бы покрыт порезами и синяками с головы до ног.

"Да", - ответил Сайлас, помешивая рагу в котелке, висевшем над мелко пылающим огнем. "На этот раз ты держишься гораздо лучше".

"Что ты надеешься там найти, Сайлас?" - задала женщина вопрос, который Вален сам горел желанием задать с самого начала путешествия.

"Ответы", - ответил Сайлас.

"Ответы на что?" - добавила она далее. "Неужели они настолько важны, что ради них нужно тащить его через весь этот ад?"

"Да", - Пророк казался твердым в своем ответе, хотя дрожь сомнения и неуверенности присутствовала, хотя и была глубоко скрыта. "Они должны быть".

В ответе прозвучала неуверенность, хотя ни Вален, ни женщина не указали на это. Было ясно, что он что-то ищет - и что он в отчаянии. А что именно... Вален не знал. К этому времени принц понял, что Пророк почти никогда не делился с ним всей историей. Он держал Валена в неведении и тоске, рассказывая лишь то, чего было достаточно, чтобы удовлетворить любопытство принца. Самое большое из них - то, что он, похоже, каким-то образом беседовал с его господином-отцом королем, - не получило дальнейшего объяснения. Аудиенция у короля... не может быть больше двух человек за последние десять лет, которые встречались с отцом...

О большинстве государственных дел заботилась королева, а король постепенно погрузился в затишье. И все же Пророк поговорил с ним - поговорил с человеком, который был так же

неуловим, как Красная Звезда.

Вскоре они двинулись в путь, взбираясь на крутые и скользкие горы, которые Вален - и все остальное королевство - считал непобедимыми. В конце концов, мужчины и женщины, глядя на туманные вершины, видели в них неприкасаемых богов, порождений смерти, которые заморозят и убьют любого человека, достаточно смелого и глупого, чтобы усмирить их. И все же, несмотря на дискомфорт, подъем был... легким. Именно благодаря им...

Как и предсказывала женщина, в течение двух дней троица достигла вершины - плоского и открытого поля, раскинувшегося в неровном круге, края которого вздымались, как зазубренные лезвия. Они были выше облаков, и Вален видел только голубое небо, а его дыхание застыло в горле, словно комок. Это было зрелище сверх красоты, такое, какое человек может увидеть только раз в жизни.

Над ними больше не висели серые и пепельные тучи, не лежал снег, навевая холод, не гремел гром и не наступала тьма. Он видел вырисовывающееся солнце, видел, как космическая реальность драпируется на гобелене творения. Ему казалось, что он только что сделал первый вдох, только что начал жизнь, которую предвещали те радостные слова. Это был новый мир, мир, отделенный от адского каскада будней внизу. Мир, лишенный боли, страданий, бед и напастей. Мир без несчастий. Мир, в котором пели только песни радости.

"Красиво, не правда ли?" прокомментировал Сайлас, его губы дрогнули в улыбке.

"Очень красиво", - подсознательно ответил Вален.

Принц долго молчал, и ни женщина, ни Сайлас не говорили и не двигались - они позволили ему насладиться моментом, как он понял после пробуждения. Они позволили ему жить в блаженном сне столько, сколько он пожелает. На эти краткие мгновения передышки он был уже не калеккой, прикованным к креслу на колесиках, а драконом, который мог расправить крылья и свободно летать в эонских небесах.

"... спасибо", - пробормотал принц, прижавшись к Сайласу, со слезами на глазах. "Спасибо", - его голос тихо потрескивал, как шелест осенних листьев. Между этими двумя словами была рассказана история, но история была безмолвной. Как и его сердце впервые с того дня, когда он чуть не умер.

Он почувствовал, как Сайлас снова зашевелился, когда они начали пересекать разросшуюся вершину, двигаясь к другому краю. Вален быстро стабилизировал свое сердце, как мог, и заглянул через плечо пророка. Его привели сюда не просто так, и не только ради созерцания космоса. Однако он сделает все возможное, чтобы оправдать то, что его доставили сюда. Все, что мог.

Вскоре троица достигла края, и перед ними открылся новый мир - как ни странно, здесь не было ни облаков, закрывающих обзор, ни снега, ни льда, ни какого-либо ада. Как будто эта сторона горы существовала в совершенно иной реальности, независимой от той, что была на другой стороне. Здесь были и деревья, и пышные кусты, и трава, и клумбы, и дикие сады, и даже озеро.

И там были люди, одетые в простые, но роскошные одежды, и там бегали мягкотелые рогатые свиньи, и там были белоглазые дети, и существа с хвостами, похожие на людей, и там были драконы, носившиеся по небу широкими и открытыми кругами, и там была рыба в озере, которая переливалась всеми цветами радуги и космоса и танцевала без остановки, и там была любовь, и спокойствие, и мир, и гармония, и там был аромат лаванды и розы, и благоухающая красота жизни. И там был человек с одним глазом там, где должно быть два, и человек стоял неподвижно и молчал, и человек вдруг повернулся и посмотрел на Валена, и его единственный глаз стал добрым и теплым.

"Добро пожаловать", - заговорил мужчина, в голосе которого слышался шум ветра, покалывающий уши Валена. "Принц предсказанный".